

С. Ф. ДМИТРЕНКО

М. Е. Салтыков-Щедрин в восприятии деятелей литературы и культуры Русского Зарубежья

Национальная катастрофа 1917 года и последовавшая за ней гражданская война в России требовали осмысления происшедшего, установления причин развала традиционных основ народной жизни, глубочайшего религиозного и государственного кризиса. В этих условиях совершенно закономерным было обращение к наследию М. Е. Салтыкова-Щедрина, к его воззрениям на феномены России и российского. Однако по очевидным причинам объективный анализ происходящего в бывшей Российской Империи, оказавшейся под репрессивным владычеством большевиков, был возможен только за географическими пределами переформатированной страны, в среде изгнанников с родины.

Ещё в 1920 году в берлинском журнале «Русский эмигрант»* А. Дроздов в статье «Крылья и земля: О Толстом-учителе» отнёс Салтыкова к писателям-«провидцам» на том основании, что его «История одного города» — «картина грядущей совдепщины, вплоть до «всем, всем, всем».

Публицист В. А. Розенберг назвал Салтыкова «самым прозорливым из русских писателей девятнадцатого века»**, а в 1926 году, в связи со столетием со дня рождения писателя, его наследию было посвящено несколько заметных статей.

Так, в «Новом Русском Слове»*** в статье «Сердитый и сердечный (Памяти Салтыкова-Щедрина). 1826–1926» Ю. И. Айхенвальд, уже писавший о Салтыкове до 1917 года, указал на необходимость «отрешиться от <...> настроений исторического момента» и при-

* 1920. № 5. 15–30 ноября 1920. С. 3

** Розенберг В. А. Салтыков-Щедрин // На чужой стороне. 1925. № 12.

*** № 4767. 1926. 14 февраля. Воскр. С. 5.

знать в наследии СЩ творчество «непреходящей художественной ценности». Айхенвальд объясняет причину выпадения Щедрина из «круга наших симпатий» тем, что «осмеянная им действительность» сравнительно «с действительностью нынешней», послеоктябрьской «выигрывает», и «сатиру его мы готовы признать огульной и несправедливой».

Но, подчёркивает Айхенвальд, смех Салтыкова-Щедрина — «смех истинного художника, продолжение смеха гоголевского». Критик стремится обозначить своеобразие мастера: «Щедрин — не только автор, но и авторитет. Щедрин — не только самородок, но и самодур». Щедрин — писатель-начальник. Привередливый, взыскательный и беспощадный, язвительный и придирчивый брюзга нашей словесности, он делал какой-то смотр эпохам и людям русской истории и русской современности, он пропускал мимо себя множество людей, — и ничем и никем не остался доволен...». Отмечает Айхенвальд и то, что «своеобразный музей его сочинений, музей общественной патологии, едва ли оставлял незаполненной хоть одну рубрику...».

Особое место уделяет автор статьи языку Салтыкова, «Волге салтыковского слова»: «удивительно русский — этот язык». «Язык — доказчик, язык — естественный и надёжный свидетель; по отношению к Щедрину он доказывает то, <...> что автор “Пошехонской старины” <...> не был нравственным чужаком, от которого слышать насмешку над родиной было бы нестерпимо <...>».

Язык Щедрина подтверждает, что <...> не над самую страну потешался сатирик: язык — патриот, и слово Салтыкова течёт от самых недр народного духа, как Волга исток свой имеет в родной Салтыкову Тверской губернии <...>. Кто так пишет, кто владеет этой стихийной россыпью от праотцев полученного языка, тот этим уже проявляет свою душевную заинтересованность недугами и невзгодами своей отчизны».

Айхенвальд обращает внимание на то, что проходило мимо внимания большинства его истолкователей: Щедрин «не только сердит, но и сердечен. Это — сатирик-лирик. От сатирического повествования у него есть отступления, полные задушевности. Жёсткая и тёмная работа сатиры <...> иногда преобразуется у него в свете человечности и тепла. Есть у него нежные образы девушек и детей. <...> Трогательна его любовь к литературе».

Вывод Айхенвальда ясен: «в родную литературу вошёл Салтыков прочно и невозвратно. Даже есть в этом <...> и некоторая горечь, некоторый оттенок трагизма: лучше было бы, если бы Щедрин устарел, если бы Россия не была больше достойна сатиры... <...> Но история этого не делает, история Щедрина продолжает...».

Вскоре Пётр Струве свою статью о проблемах чистоты литературного и разговорного языка знаменательно завершил ссылкой на СЩ.: «...среди классиков русской литературы есть, насколько я вижу, только два безупречных, в смысле синтаксической правильности языка, писателя: Тургенев и Салтыков-Щедрин. В особенности в этом отношении поразителен последний. Русский язык Салтыкова-Щедрина, может быть, не самый сильный и яркий, но, наверное, самый чистый и правильный во всей русской литературе, и жаль, что этого безупречного писателя с каждым днём читают всё меньше и меньше»*.

В том же 1926 году Игорь Северянин написал для цикла «Медальоны» (одноимённая книга вышла в Белграде в 1934) сонет «Салтыков-Щедрин», где передал не только свою, но и общую оторопь перед тем, что страшные предсказания Салтыкова сбылись**.

Время от времени произведения Салтыкова выпускались эмигрантскими издательствами (например, в литературном приложении «Библиотека “Иллюстрированной России”», в библиотеке издательства «Наша речь» (Прага), составителем и комментатором берлинских (1922) «Избранных сочинений» СЩ. был А. В. Амфитеатров***).

Сохранились сведения о литературных вечерах, посвящённых писателю, один из них был проведен учёными Русского Народного университета в Праге, но недаром в 1926 году, в связи со столетием Салтыкова, Г. В. Адамович отмечал: «...Мир сейчас холоден ко всему, в чём нет “духа музыки”, что отличается широтой, а не глубиной устремления. Вот пример. Недавно был юбилей Салтыкова-Щедрина. Прекрасный, замечательный, первоклассный писатель — кто спорит? Однако вспомнили о нём как бы по принуждению, с интересом, но без любви. Условия жизни не так ещё изменились, многое в Салтыкове ещё живо. Но чужд, по-видимому, дух его, весь строй его мысли и чувства, растекающегося по горизонталям, а не по вертикалям»****.

Позже Г. Адамович обратился к творчеству Салтыкова в связи с публикацией в СССР («Литературное наследство». Т. 1. М., 1931) его забытого произведения — повести «Испорченные дети» (1869): «...это, конечно, не самый лучший Щедрин, — но всё-таки это Щедрин подлинный, с характерной для него резкостью и сухостью

* Струве П. Б. Заметки писателя. 3. Русский язык. — Очистители и засорители // Возрождение. 1926. 29 апреля. Четверг. № 331. С. 4.

** Печатается в настоящем томе, см. С. 601.

*** Биографический очерк из этого издания печатается в настоящем томе.

**** <«Дело Артамоновых» М. Горького> // Звено. 1926.28.03. № 165. С. 1–2. Цит. по совр. изд.: Адамович Г. Литературные беседы. Книга 1. «Звено». 1923–1926. СПб: Алетейя, 1998. С. 440.

письма, с той чёткостью рисунка, в которой у него нет соперников в русской литературе. Рука действительно первоклассного автора видна на каждой странице»*. Адамович указывает на актуальность повести, на её обращённость к «теперешним русским “помпадурам”». Хотя в этой повести Салтыков «только сатирик, а не поэт-сатирик», и его сатира здесь «поверхностная, злободневная, ограниченная, без того далёкого второго фона, который иногда даёт щедринским образам какое-то неожиданное, трагическое, “шекспировское” величие», всё же, при своевременной публикации, «имена Младосморчковского и Сапиентова давно были бы в нашем обиходе так же популярны, как и имена других щедринских жертв».

В «Очерках по истории русской культуры» (1902–1916–1930) П. Н. Милюков отмечал особенно тесную, по сравнению с Львом Толстым и Достоевским, связь с современностью «двух других крупных талантов 60-х и 70-х годов, Салтыкова и Глеба Успенского», что, по его предположению, могло привести к их незаслуженному забвению. В противоположность Толстому и Достоевскому, пишет Милюков, «и дворянин и крупный чиновник Салтыков, и разночинец Успенский целиком примкнули к интеллигентскому движению 60-х и 70-х годов. Оба испытали на себе влияние теорий Михайловского. Но... и они не пожертвовали теории своим художественным реализмом». Милюков отмечает свободу литературно-общественного поведения Салтыкова: даже в бытность редактором «Отечественных записок» «в своих отношениях к народничеству он остался вполне самостоятельным», обеспеченным «хорошим знанием русской жизни и житейским скептицизмом». Милюков указывает на динамичность сатиры Щедрина, его способность находить в меняющемся времени новые сатирические объекты. Вместе с тем «Господа Головлёвы» и «Попехонская старина» «поднимаются над текущей злобой дня и составляют прочное приобретение русской художественно-реалистической литературы»**.

Перспективными были выступления тех литераторов русского зарубежья, которые использовали сохранившиеся у них или появлявшиеся в СССР материалы о жизни и творчестве Салтыкова-Щедрина. Сами по себе последние представляли значительную культурную ценность, но находились в соответствующей «марксистской» обработке.

* Адамович Г. «Испорченные дети» // Последние новости. 1936. 27 февраля. Четверг. № 5453. С. 2.

** Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3-х т. М., 1994. Т. 2. Кн. 1. С. 310–311.

Многие критики делали своей задачей освобождение щедринских материалов от превратных, конъюнктурных интерпретаций.

Обстоятельность отличает воспоминания и статьи князя В. А. Оболенского*, А. И. Ляскового**, В. А. Розенберга***, Ф. Репейникова****, В. Л. Бурцева*****.

Когда в ленинградском журнале «Звезда» (1930. № 9–10) были опубликованы воспоминания З. А. Венгеровой о встрече с Салтыковым в 1886 году группы молодых людей, среди которых был Александр Ульянов, террорист, готовивший покушение на императора Александра III, а также его сестра, в «Последних новостях» (1930. 13 ноября) появился их пересказ («Брат Ленина у Щедрина»).

В «Возрождении»^{6*} была отрецензирована вышедшая в СССР книга: М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Л., 1931 («Неизвестные страницы Щедрина»; подпись: А. З.).

Немало для русских зарубежных читателей Щедрина сделал Р. Словцов (псевдоним Н. В. Калишевича), опубликовавший в 1930-е годы в «Последних новостях» несколько объективных обзоров вышедших в СССР изданий, посвящённых Салтыкову-Щедрину. В статье «Новое о Щедрина: Щедринский выпуск “Литературного наследства”»^{7*} Р. Словцов обозревает том 11–12 (М., 1933) «Литературного наследства». Отмечается значительное число «ценных материалов», которые в нём содержатся; некоторые из них реферируются. По мнению автора, неизвестная прежде салтыковская статья «Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян» <1858> позволяет сделать вывод, что «в крестьянском вопросе Салтыков был тогда ближе к либеральному

* М. Е. Салтыков в своей семье // Современные записки. Кн. VI. 1921. С. 81–91; перепечатаны в изд.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 631–641.

** М. Е. Салтыков в ссылке // История и современность. 1922. № 3; Новое о М. Е. Салтыкове // Беседа. 1924. № 5. С. 245–264. См. С. 556–660 этого тома.

*** Салтыков-Щедрин // На чужой стороне. Кн. XII. Прага, 1925. С. 208–219; Сказки Щедрина (К столетию со дня рождения М. Е. Салтыкова) // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 1. С. 63–80; М. Е. Салтыков-Щедрин и деревня // Газета «Родное слово» (Варшава). 1926. № 14.

**** Культурная тоска (Письма М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Воля России. Кн. III. Прага, 1925. С. 171–176.

***** К биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина // На чужой стороне. Кн. X. Прага, 1925. С. 121–134; вариант опубликован в изд.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 385–398.

^{6*} 1932. 3 марта. № 2466.

^{7*} Последние новости: Ежедневная газета под ред. П. Н. Милюкова. 1934. 17 мая. Четверг. С. 3.

дворянству, чем к радикалам». Как достоинство книги автор отмечает отказ «редакторов» присоединиться к попыткам возвести Салтыкова. «в ранг революционного социалиста, и притом такого, который в чём-то будто бы приближается чуть ли не к марксизму». Между тем он «никогда не входил ни в какую революционную организацию и даже, насколько известно, не имел никаких связей с ними»; «ни прямо ни косвенно» он «не пропагандировал революционного насилия. Он не сочувствовал и даже осуждал те единственно-реальные формы насилия, которые имели место в его время, — народовольческий террор».

Вместе с тем Р. Словоцов с иронией пишет о статье в «Литературном наследстве» — «Указатель цитат из Щедрина в произведениях Ленина»: это «характерный для советских нравов образец литературного молчалинства». Хотя делается попытка доказать, что «щедринские образы живут у Ильича какой-то новой жизнью», в действительности «Ленин пользовался, по большей части, общественными ходячими выражениями и сам, конечно, вовсе не претендовал быть таким знатоком Щедрина, как изображают его верноподданные учёные». Обращает внимание Р. Словоцов и на то, что опросы «эмигрантов 70–80-х годов о революционном влиянии на них Щедрина» не дали сколько-нибудь убедительных свидетельств о существовании этого. Например, по словам Веры Фигнер, для Щедрина у них «особого уголка в душе не было»: «в период “исканий” у нас были другие учителя». Здесь следует отметить, что именно научная добросовестность многих статей в этом томе «Литературного наследства» резко критиковалась в советской печати, а также во вступлении «От редакции» следующего тома «Литературного наследства», также посвящённого Салтыкову (Т. 13–14. М., 1934).

В связи с выходом в СССР писем Салтыкова Р. Словоцов публиковал обзоры этих изданий, стремясь на основании собственноручных свидетельств писателя воссоздать его неискажённый, достоверный образ. В статье «Салтыков и его компания мушкетёров»*, реферирующей книгу: Салтыков-Щедрин М. Е. Неизданные письма (1884–1889). Редакция Н. В. Яковлева. М., 1932, — он показывает также эпистолярное мастерство писателя. В статье «Салтыков за границей»** Р. Словоцов, опираясь на его письма 1875–1876 годов, стремится восстановить психологические подробности первого пребывания писателя за рубежом. Статья «Салтыков-редактор»***

* Последние новости. 1932. 21 июля. № 4138. С. 3.

** Последние новости. 1938. 10 февраля. № 6165. С. 2.

*** Последние новости. 1939. 6 июля. Четверг. № 6674.

основана на письмах 1876–1884 годов, в ней передаётся деловая порядочность, принципиальность, скромность Михаила Евграфовича, хотя Р. Словцов не скрывает резкости и даже «несправедливости» некоторых суждений писателя.

Ранее несколько живых историй из практики Салтыкова — редактора «Отечественных записок» были опубликованы в журнале «Воля России»*: это был фрагмент из книги воспоминаний писателя народнических взглядов Н. С. Русанова (она готовилась к выходу в издательстве З. И. Гржебина; см.: Русанов Н. С. Из моих воспоминаний. Книга I. Детство и юность на родине. 1859–1882. Берлин; 1923). Впоследствии эти воспоминания появились и в СССР (в книге «Глеб Успенский в жизни...». М., Л., 1935).

В связи с широким празднованием в СССР пятидесятилетия со дня смерти Салтыкова в 1939 году (вслед за пушкинскими мероприятиями 1937 года) в «Последних новостях»** была опубликована статья: Н. Берлин «Воскресший Щедрин» с ироническим зачином: «Очень неосторожно поступило советское правительство, принявшись за широкую популяризацию и прославление Щедрина», при том, что Салтыков-Щедрин — изобразитель «динамических типов», которые хотят «перевернуть и перестроить всю жизнь по своим сумасбродным чертежам и фантазиям», он гениально «нарисовал, увы, неумирающие типы буйного административного динамизма».

Н. Берлин обращает внимание на статью в советском журнале «Лёгкая промышленность» (1938. № 12) «об улучшении организации снабжения промышленности», где автор, критикуя «путаный лабиринт» административных правил, вспоминает образы из «Пёстрых писем» Салтыкова Н. Берлин убеждён: «для уяснения родословной ленинизма надо внимательнее читать Щедрина», ибо «замечательные строки были написаны Щедриным о духовном сродстве Угрюм-Бурчеевых с коммунизмом в его аракчеевском, а в наше время — советском воплощении». У «советского правительства» существует «подлинное родство» не с «великими русскими историческими патриотами», как оно хочет в последнее время это объявить, а с «щедринскими героями, которые заслуживают самого видного места в семейной галерее советских предков». Критик предполагает, что «для иллюстрации социализма в одной стране скоро будут приводить цитаты не из Маркса, а из Щедрина. И это будет понятнее, и справедливее».

* 1923. № 12. 1 июля.

** 1939. 17 июня. Суббота. № 6653. С. 5.

Но, к сожалению, не все литераторы-эмигранты высказывались об этом изобразителе общественных настроений с должным аналитическим спокойствием.

Критик Г. А. Мейер в берлинской газете «Новое слово» (1942. 8 апр.) опубликовал статью «Щедрин и большевики», а впоследствии, в 1955 в журнале «Возрождение» (1955. № 38) поместил её вариант. Мейер резко критикует писателя, опираясь на опубликованную в ленинградском журнале «Звезда» (1939. № 5–6) статью Е. Макаровой «Классики марксизма о Щедрина». Мейер приводит тезис Макаровой, соглашаясь с ним: «литература Щедрина, тесно связанная с развитием русского революционного движения, воспитала не одно поколение революционеров» (с. 107). Из того известного факта, что Маркс был знаком с произведениями Щедрина, делается вывод: «Конечно, Маркс по щедринским писаниям России не познал, но ядовитой клевете охотно поверил и сумел распространить её в среде своих заграничных приверженцев... Издевательства Щедрина над русской жизнью стараниями Маркса принимались с доверием западноевропейскими людьми... Ленин, верный ученик и продолжатель Маркса, немало поработал над популяризацией щедринских сочинений», ценя «способность Щедрина к изощрённой клевете на Россию». Мейер предполагает, что «этого грязного циника», Ленина, привлекало «упорное стремление нашего сатирика к бесстыдному “раздеванию” человеческой души, к заголению гнойных язв». Не анализируя в маленькой статье какие-либо произведения, автор даёт обобщенные определения, как они ему представляются, личности и творческих принципов писателя: «Коммунистом и марксистом Щедрин, бесспорно, ни при каких обстоятельствах сделаться не мог бы, а в действительности был он своеобразным русским нигилистом, прирождённым разъедателем бытия, оппозиционером по призванию и во что бы то ни стало» (с. 108).

Как полагает Мейер, Щедрин (он употребляет только псевдоним писателя) был наделён «от рождения всеискривляющим оком». «Клевета на русскую жизнь получалась у Щедрина невольной, от дурного глаза и несчастного, опустошённого безверием сердца. Живую веру в Бога он пытался заменить проповедью социальной справедливости и мертвой моралью». «Этот, всё отрицающий, беспощадный насмешник тяжело мучился собственным нигилизмом и дорого дал бы за веру в самый маленький и убогий идеал».

Но всё же Мейер делает важную оговорку. «Щедринская клевета на Россию — происхождения атеистического, но этот особый страдальческий атеизм совсем не походил на тупое, самонадеянное безверье “классиков марксизма”». Хотя «творчеством Щедрина,

разлагающим, осуждающим и отрицающим», стремятся воспользоваться идеологи большевизма и «большевицкие историки литературы», это, по убеждению Мейера, не так просто. «Щедрин, художник неприятный, трудный и тяжёлый, но всё же подлинный. Потому-то нельзя безнаказанно подтасовывать его сатирические сравнения и образы: на каком-нибудь опасном повороте непременно споткнёшься и ранишь самого себя незаконно-присвоенным оружием». Для примера Мейер называет щедринский образ головотяпов из «Истории одного города», которым пользовался Ленин в полемике со своими врагами, в то время как в этом образе, по Мейеру, просматривается «несомненное предвидение всероссийского большевизма». Кроме того, убеждён Мейер, живи писатель при большевиках, его бы «ликвидировали» как фашистского пса и диверсанта». Здесь критик, вероятно, даже не зная об этом, оказался трагическим провидцем: внучка писателя Т. Н. Гладыревская в 1938 году была безвинно арестована, по некоторым данным, по обвинению в шпионаже и вскоре расстреляна (см. об этом в воспоминаниях Е. А. Гладыревской в настоящем томе).

Более развёрнутую критику наследия Салтыкова-Щедрина попытался дать В. Н. Ильин. В статье «Салтыков-Щедрин — Свифт и Гришка Кутерьма русской литературы (1825–1889)»* Ильин делает вывод о «патологическом результате ядовитых укусов писателя-вампира» — «ослаблении инстинкта самосохранения» у «множества образованных русских людей и шедшего у них на поводу бессмысленного стада» (с. 57). По мнению Ильина, «правительственный либерализм взрастил в лице Салтыкова-Щедрина художника огромной силы и ещё больших разрушительных способностей. <...> Дарованием Щедрина наслаждалась вся интеллигентная и смыслившая толк в искусстве Россия. Но эти наслаждения оказались чрезвычайно вредоносными. Они выкорчевали всякую любовь к своему народу, к своей истории и культуре, превратив всё в собрание отвратительных мерзостей — гораздо хуже гоголевских — и без всякого просвета впереди» (с. 61). Ильин называет творчество Щедрина «проповедью отчаяния и непротivления», душу писателя — «смердяковской», а «дух его — Свифта и Гришки Кутерьмы вместе взятых» (с. 61). Но утверждая, что «публицистика заела и уничтожила у него почти до тла подлинное искусство», Ильин, проводя анализ сочинений писателя, начинает противоречить сам себе, признавая, например, что среди произведений «богословско-метафизической тематики» следует назвать «Господа Головлёвы», «один из лучших русских ро-

* Возрождение. 1964. № 138. Печатается в этом томе.

манов, тема которого — удавшееся покаяние человека, казалось бы, вполне и окончательно погибшего» (С. 63; курсив автора статьи).

В итоге Ильин вынужден сделать вывод, что Салтыков, работая в «самом тяжёлом и чёрном месте» литературы (из контекста ясно, что это социальная сатира, как её понимает автор), не изменил её традициям и её призванию: «быть голосом Божиим и голосом богочеловеческой совести, как бы низко ни пал человек». Салтыков был «способен расслышать шёпот вечности ещё до того, как он будет вынужден слышать её громы» (С. 70).

В книге «Характер русского народа» (1957) Н. О. Лосский несколько раз отмечает глубокое знание и понимание Салтыковым народных характеров. Вместе с тем он также говорит о «стоящем в ряду величайших сатириков мировой литературы» Салтыкове-Щедрине как «мастере злой насмешки». «Все уголки и обычаи русской жизни привлекали к себе внимание Щедрина, и всякую пошлость он обличал беспощадно», подчёркивает Лосский и приводит несколько выразительных примеров из разных произведений писателя*. Вместе с тем Лосский полагает, что Достоевский «недостатки русского народа» описал «острее и глубже, чем Щедрин» (с. 358–359). Все эти выкладки, где о Салтыкове-Щедрине неизменно говорится в положительном тоне, особенно ценны в контексте общей концепции этой книги Лосского и того её тезиса, что «подчёркнуто сатирический характер русской литературы свидетельствует о борьбе русского народа со своими недостатками и борьба эта в высокой степени успешна» (с. 314).

Отмечались связи творчества Щедрина с произведениями современных писателей. Так, П. М. Бицилли сравнивал его с «Приглашением на казнь» В. Сирина-Набокова**. Бицилли считает, что Сирин с особым искусством и последовательностью разрабатывает в «Приглашении...» «общечеловеческие темы» литературы: «жизнь есть сон» и «человек-узник», мастерски переосмысливая «восходящие к Гоголю, к романтикам, к Салтыкову (которого он называет “гениальным, но неудобочитаемым” — С.Д.), к Свифту» «стилистические приёмы и композиционные мотивы» (СЗ. Кн. 68. С. 476). Он находит реминисцентные связи между «Приглашением...» и «Историей одного города», «Запутанным делом», «Господами Головлёвыми», «Дневником про-

* Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 312, 313.

** См.: Возрождение Аллегории // Современные Записки. 1935. Кн. 61. С. 191–204 / совр перепечатка: Русская литература. 1990. № 2. С. 147–154; рецензия на «Приглашение на казнь» // СЗ. 1939. Кн. 68. С. 474–477 / совр. перепечатки в журнале «Русская речь». 1994. № 2. С. 41–44 и в кн.: В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997, С. 251–254. Также С. 602–610 этого тома.

винциала в Петербурге». Как показывает Бицилли, обнаружение стилистической общности «настроения, “тона”, “колорита” у Салтыкова и у Сирина» даёт «ключ к пониманию <...> всего творчества Сирина»: то, что поначалу кажется «виртуозничаньем, щеголяньем словесным мастерством, или, в лучшем случае, нерасчётливым расходом творческих сил» представляется в итоге «строго обусловленным общим замыслом, художественно оправданным и необходимым». Силу Салтыкова, а затем и Сирина-Набокова Бицилли видит в изображении такой жизненной «плоскости, в какой законы логики жизни уже не действуют», «лже-жизни в пустом, призрачном мире», «бредового состояния сознания». Следует отметить, что у самого Набокова нам не удалось найти каких-либо высказываний о Салтыкове.

Интересен опыт художника, одарённого и писательским талантом, Ю. П. Анненкова, который в заключительной части своей прозаической книги «Рваная эпопея» (печатавшейся под псевдонимом: Б. Темирязов)*, где свободно соединены воспоминания и беллетристика, использует фрагменты «Истории одного города» для характеристики возможного будущего «современных государств».

Прочитав слова Андрея Версилова о том, «чем обновится социальный мир» («Я думаю, что всё это произойдёт как-нибудь ordinarily... впрочем, посмотри в Апокалипсис» // «Подросток», ч. 2, гл. IV), и следуя этому совету, автор-повествователь раскрывает Апокалипсис: «У самого главного входа стоял Угрюм-Бурчеев**». «История одного города» называется здесь «страшной и священной книгой», полной пророчеств: «чтение пророчеств, похожее на решение алгебраических задач, где таинственные иксы и игреки надлежит заменять привычными, понятными обозначениями, раскрывая скобки» (С. 59).

С течением лет и вплоть до настоящего времени, когда возможен свободный обмен информацией и культурными ценностями, в мире русского зарубежья стала утверждаться научно-академическая линия изучения наследия Салтыкова-Щедрина. Как один из содержательных примеров такого подхода можно назвать статью Екатерины Кулешовой «О символике и развязке в сатире Салтыкова-Щедрина “История одного города”» в канадском русскоязычном «журнале русской культуры и национальной мысли» «Современник» (1979, № 43–44. С. 190–198; фрагменты републикуются в настоящем томе).

* Возрождение. 1957. № 71; 1958. № 73; Новый журнал. 1960. № 59–61.

** Новый журнал. 1960. Кн. 61. С. 58.